

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА ЕДИНООБРАЗИЯ В СФЕРЕ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

В. А. СУСЛОВ*

В данной статье рассмотрены проблемы достижения единообразия при реализации норм права на стадии правоприменения, выявлены объективные причины, препятствующие соблюдению принципа единообразия на практике. Статья не только ставит весьма важную в научном и практическом отношениях проблему единообразия в сфере правоприменения, но и является попыткой ее решения при помощи современных научно-философских методов, в связи с чем содержит ряд дискуссионных положений. Анализ указанной проблемы проведен автором в рамках герменевтического понятийного аппарата, отличного от традиционных, господствующих в современной юриспруденции методов юридического позитивизма. Сделан вывод о невозможности соблюдения принципа единообразия в правоприменительной практике в связи с изначальной двусмысленностью любого текста и неизбежным конфликтом конъюнктурных интерпретаций правоприменителя с истинным замыслом законодателя. На основе проведенного исследования автор высказывает мысль о необходимости отказа от текстуального формата изложения закона ради достижения подлинного единообразия в сфере правоприменения. Автором сформулированы тезисы, которые, возможно, лягут в основу методологии дальнейших исследований в области разработки нового формата изложения закона, который позволит максимально снизить роль субъективного в правоприменении.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: принцип единообразия правоприменения, предсказуемость правосудия, изначальная двусмысленность любого текста, кодирование/декодирование смысла, герменевтический аспект правоприменения, толкование закона, конфликт интерпретаций, текстуальный формат, язык математических символов.

Суслов Виталий Андреевич,
главный юрист общества
с ограниченной ответственностью
«Эстейт Менеджмент»

* Suslov Vitalii Andreevich — chief lawyer of Estate Management, Ltd.

E-mail: susich@newmail.ru

© Суслов В. А., 2014

SUSLOV V. A. THEORETICAL ASPECTS OF IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE OF UNIFORMITY IN LAW ENFORCEMENT

This article examines the problem of achieving uniformity in the implementation of the law at the stage of enforcement and identifies objective obstacles to compliance with the principle of uniformity in practice. The article not only puts forward a very important scientific and practical problem of uniformity in law enforcement, but also attempts to solve it with the help of modern scientific and philosophical methods, and therefore contains a number of controversial provisions. The author has analyzed this problem in terms of hermeneutic conceptual framework, other than traditional methods of legal positivism prevailing in modern jurisprudence. The author concludes that compliance with the principle (uniformity in the practice of law) is impossible due to the inherent ambiguity of any texts and inevitable conflict between law practitioner's interpretation and a true intention of a legislator. Based on the research, the author expresses the idea about a necessity to reject the textual format of a statute in order to achieve genuine uniformity in the practice of law. The author formulates some theses which may become a basis of a methodology for further research in the sphere of development of a new format of a statute presentation which will minimize the role of the subjective in law enforcement.

KEYWORDS: principle of uniform law enforcement, predictability of justice, inherent ambiguity of any text, encoding/decoding of meaning, hermeneutical aspect of law enforcement, interpretation of a statute, conflict of interpretations, textual format, language of math symbols.

Критика методологии юридического позитивизма с позиций целесообразности полагания выявляет неспособность юриспруденции как научной дисциплины выйти за пределы герменевтического круга, очерченного законодателем. Текст закона для юриста является аналогом Писания для богослова либо художественного текста для литературного критика, из-за чего исследование в области юриспруденции приобретают во многом схоластический, наукообразный характер: целью юридического исследования так или иначе является всего лишь ответ на вопрос «что хотел сказать законодатель?». Ответ на этот вопрос для юриста являет собой истину, поиску которой посвящены многочисленные интерпретации правового текста. Однако любой исследователь в поисках ответа на универсальный вопрос имеет целью обнаружить что-то новое (а иначе зачем исследовать?), поэтому исследование текста закона, как правило, приводит к обнаружению нового смысла законодательной нормы, который зачастую и представляется истинным в угоду интересам интерпретатора. Такой подход неминуемо приводит к нарушению принципа единообразия применения закона, при этом часто истина так и остается «где-то там».

Итак, право — это текст. Текст изначально двусмыслен, при этом какой из двух (многих) смыслов правового текста принадлежит законодателю, а какой интерпретатору — всегда будет оставаться под вопросом. В такой ситуации единообразие правоприменения недостижимо по объективной причине: в связи с двусмысленностью любого, в том числе правового, текста. Соблюдение принципа единообразия правоприменения возможно только после устранения двусмысленности в изложении законодательной идеи, т. е. после отказа от изложения закона в текстуальном формате. Поясним свою мысль подробнее.

Положение об универсальной репрезентативности текста является одним из краеугольных в сложившейся к концу XX в. западной философской

традиции (Ф. Шлейермахер, В. Дильтей, М. Хайдеггер, Г.-Г. Гадамер, К. Поппер, П. Рикёр). Напомним, что Хайдеггер смотрел на мир как на текст, требующий толкования, а Шлейермахер считал язык единственной реальностью. С точки зрения европейского (позже североамериканского) представления о сложившемся типе человеческого социума человеческая цивилизация сохраняется и воспроизводится на основе различного рода *текстов*, которые уже сами по себе представляют собой многообразие бытия. Другими словами, наша цивилизация является книжной. Текст, как знаковая система, с помощью которой закодирован смысл, выступает необходимым звеном между идеей и ее последователями, а поэтому становится предметным и осязаемым результатом гуманитарной деятельности, автономным объектом.

П. Рикёр писал: «Письмо является в этом отношении неким значимым рубежом: благодаря письменной фиксации совокупность знаков достигает того, что можно назвать семантической автономией, т. е. становится независимой от рассказчика, от слушателя, наконец, от конкретных условий продуцирования. Став автономным объектом, текст располагается именно на стыке понимания и объяснения, а не на линии их разграничения».¹

Следует признать, что рассуждения в духе сложившейся философской традиции неминусом приводят к выводу об общей справедливости утверждения об универсализации текста и его доминирующем положении в современной культуре. Также невозможно отрицать, что разработка любой гуманитарной проблемы, будь то Бог, природа, человек, право, мораль, всегда завершается *текстом*, и в таком виде она становится доступной для передачи. В текстах находят свое окончательное выражение все виды исследований и достигнутое с помощью таких исследований понимание проблем, в том числе и сама их первоначальная формулировка.

Так, Ж. Деррида писал: «Мы уже более не можем столь легковверно полагать, что мы исходим из самих вещей, обходя тексты, просто уклоняясь от цитирования и от появления видимости комментирования. По видимости, прямейшие, самым прямым способом имеющие конкретную, личную и якобы непосредственную хватку на сами вещи сочинения существуют в кредит: подверженные авторитету комментария или повторного издания, которые они сами не способны прочесть».²

А. Гиза по этому поводу пишет: «Ключевая проблема цивилизации, базирующейся на книгах и текстах, заключается в сложности соблюдения нескольких требований в сохранении и развитии традиций: аутентичности передачи авторской позиции; явном или неявном выражении автором метафилософской, универсализирующей компоненты; прочтении сверткста в наличном тексте; уяснении ориентиров и критериев должного прочтения. Иными словами, читать надо *уметь* (курсив мой. — В. С.), для чего требуется постоянно осваивать философскую грамматику языка. Простой школьной грамотности недостаточно для прочтения обобщающих и понятийных текстов».³

Таким образом, адекватное восприятия контекста становится центральной проблемой регулирования отношений членов современного

¹ Рикёр П. Герменевтика и метод социальных наук // Рикёр П. Герменевтика. Этика. Политика. Московские лекции и интервью. М., 1995. С. 3–18.

² Цит. по: Штегмайер В. Жак Деррида: деконструкция европейского мышления. Баланс // Герменевтика и деконструкция / под ред. В. Штегмайера, Х. Франка, Б. В. Маркова. СПб., 1999. С. 68–91.

³ Гиза А. Интерпретация и смысл (структура понимания гуманитарного текста). Монография. Харьков, 2005 (www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/gizha).

социума, поэтому сказанное выше относится и к «чтению-пониманию» правового текста, а следовательно, имеет непосредственное отношение к проблемам, возникающим в процессе применения законов на практике.

Процесс формализации нормы поведения, как любое гуманитарное исследование, тоже завершается текстом — законом. Законодатель, придавая правовой норме силу закона, доводит свою волю, свой замысел до правоприменителя посредством текста.

Природа профессиональной деятельности юристов, которые применяют закон на практике, также имеет текстуальную природу — субъект, применяющий закон на практике, обосновывает свою позицию посредством текста. Профессионализм юриста определяется тем, насколько адекватно он воспроизводит контекст законодательной нормы, проговаривая или прописывая свою позицию по поводу той или иной ситуации, имеющей правовое значение. Это основной критерий, по которому судят об уровне профессиональной подготовки юриста.

С этой точки зрения, очевидно, право, понимаемое как совокупность правовых норм — это прежде всего текст. Именно в форме текста закон материализуется и становится фактом нашего бытия (при этом утверждении мы руководствуемся принятым в настоящее время лингвистами широким пониманием текста как любого языкового образования, обеспечивающего коммуникативное взаимодействие людей).⁴

Мысль эта не нова. Так, И. Грязин пишет, что «язык, текст права понимается нами в смысле опосредованной формы права... Право вообще не может существовать, не будучи воплощенным в текстуальную форму».⁵

Если подразумевать при этом под текстом объединенные или структурированные формы дискурса (*discours*), зафиксированные материально и передаваемые посредством последовательных операций прочтения, то правоприменение есть не что иное, как процесс прочтения текста закона в совокупности с реализацией идеи, заложенной в тексте закона, в действительности, на практике, т. е. применительно к конкретному событию, юридической ситуации, конфликту сторон.

Представляется, что именно в проблематике герменевтики правового текста кроются ответы на некоторые интересующие юристов-практиков вопросы современной юриспруденции, в частности, на вопрос о том, достижимо ли на практике единообразное применение закона. Герменевтика, как дисциплина второго порядка, позволяющая осуществить более тонкий по сравнению с профессионально-юридическим толкованием анализ текста правовой нормы, помогает исследователю формулировать тезисы, обеспечивающие выход из порочного круга юридического позитивизма.

Согласно Дильтею, операция понимания становится возможной благодаря способности, которой наделено каждое сознание, проникать в другое сознание не непосредственно, а опосредованно, путем воспроизведения творческого процесса, исходя из внешнего выражения. Под пониманием имеется в виду постижение значения знаков, передаваемых одним сознанием и воспринимаемых другими сознаниями через их внешнее выражение.⁶

⁴ Чувакин А. А. Основы филологии. 2-е изд. М., 2012. С. 112.

⁵ Грязин И. Текст права. Опыт методологического анализа конкурирующих теорий. Таллин, 1983. С. 19–20 (цит. по: Малинова И. П. Юридическая герменевтика и правописание. Екатеринбург, 1997. С. 12).

⁶ Рикёр П. Герменевтика и метод социальных наук. С. 1.

С точки зрения герменевтического анализа правовой текст имеет основную особенность, которая отличает его от текстов абстрактных (скажем, философских, художественных или религиозных) или технических (конкретных): являясь гуманитарным текстом, результатом взаимодействия общественных мемов, ответом на вызовы и запросы общественного бытия, закон имеет непосредственное прикладное значение для жизнедеятельности социума, регулируя общественные процессы, формализуя их, поддерживая систему общественных интересов в состоянии относительного равновесия. Помимо прочего, правовой текст, являясь жестко структурированным и логическим, остается текстом гуманитарным, эстетическим. С этой точки зрения текст закона открыт для непрофессионального прочтения.

А. Гижа, говоря о решении проблемы понимания текста посредством аксиоматики контекстов, предлагает включить противоречие между принципом перехода (трансценденции), дающим время-подобную составляющую контекстов, и принципом единства, дающим пространственно-подобную контекстуальную составляющую, в содержательное рассуждение, для чего отказаться от классического варианта формализации, предполагающей однозначную и жесткую привязку термина к его единственному значению. Он пишет: «Требуется выйти на своего рода неевклидову, неклассическую формализацию, допускающую неустраняемую неопределенность, разброс значений, семантическую “размазанность” термина. На этом пути возникает представление об *иносказательно-сдвигающей* (курсив А. Гижа. — В. С.) логике, основой которой является то, от чего отказывается сугубо рассудочная мысль, — противоречие».⁷ Однако неклассическая логика при квалификации юридически значимой ситуации и обсуждении/вынесении вердикта суда сыграла бы неблагоприятную роль. «Хорош был бы тот судья, который вместо решения дилеммы “виновен — невиновен” углубился бы в дебри неформальных и нерациональных рассуждений», — писал венгерский юрист А. Тамаш.⁸

Пределы контекста правовой нормы находятся в интервале, определяемом, с одной стороны, однозначностью, с другой — неопределенностью значений. Границы контекста определяются с помощью критерия рациональности суждений, пределы контекста очерчены сохраняющими рациональность суждениями, отвечающими требованиям формальной логики, — основой рационального рассуждения является именно логичность и формализм, ведущий к общезначимости результатов. Таким образом, круг поиска смыслов правовой нормы ограничен этими границами. В отличие от литературного текста, герменевтический анализ которого не ограничен такими рамками, структурный анализ правового текста может быть основан лишь на формальной логике.

Тем не менее правовой текст, имея вполне прикладное техническое значение, по своим лингвистическим характеристикам является текстом скорее гуманитарным, нежели техническим. В этом состоит глубокая, неустраняемая противоречие, заложенное в самой технологии передачи идеи, которую законодатель намеревается донести до правоприменителя путем кодирования посредством письма: текст закона, задуманного с точки зрения социального предназначения как изложение правила, нормы поведения, имеющий прикладное значение, а следовательно, требующий от читателя однозначного смыслового восприятия, изложен посредством знаковой системы, декодирование которой предполагает различные смыслы.

⁷ Гижа А. Интерпретация и смысл.

⁸ Тамаш А. Диалектика правосознания и правоприменения. М., 1980. С. 89.

Что как не издержки понимания письменного текста имел в виду Иоанн Златоуст, когда писал: «По-настоящему нам не следовало бы иметь и нужды в помощи Писания, а надлежало бы вести жизнь столь чистой, чтобы вместо книг служила нашим душам благодать Духа, и чтобы, как те исписаны чернилами, так и наши сердца были бы исписаны Духом. Но так как мы отвергли такую благодать, то воспользуемся уж хотя бы вторым путем (чтение Писания. — В. С.)»⁹

Именно в силу гуманитарного (литературного) изложения правовой текст становится доступным для критики читателя, толкования, интерпретации, которые правоприменитель считает необходимым условием применения закона на практике, в то время как законодатель старается исключить самую возможность такой интерпретации. Общеизвестно, что толкование (ис толкование, *subtilitas explicandi*), наряду с пониманием (*subtilitas intelligendi*) и применением (*subtilitas applicandi*), является одной из обязательных процедур при анализе любого, в том числе правового, текста.

Немецкий юрист Г. Ф. Пухта, который скептически относился к утверждениям о полезности разработки правил толкования для юриста, признавал, что герменевтика является основой юриспруденции: «Из правил критики и толкования образовалась особая наука — юридическая герменевтика, обыкновенно весьма поверхностная, бесплодная, не проникающая в суть дела, сухая дисциплина. Но, помимо здравого смысла, вся юриспруденция должна быть герменевтикой».¹⁰

Действительно, единственной («врожденной») мотивационной тенденцией, присущей любому юристу-профессионалу (правоприменителю) и всех юристов объединяющей, является стремление к поиску того смысла закона, который адекватен юридической ситуации и который можно использовать в свою пользу. Именно поиск и последующая реализация смысла правовой информации, полученной при изучении закона, в своей аргументации являются основой поведения участника юридически значимой ситуации.

Председатель Кассационного суда Франции Балло-Бопре, известный юрист своего времени, считал правильным толковать неясности в законе в соответствии с личными представлениями судьи об истинном его значении. Его высказывания, призывающие отказаться от исторического метода толкования нормы закона, который до этого доминировал в правовой доктрине, носили весьма радикальную окраску: «Если императивная норма ясна и точна, не вызывает сомнений, судья обязан склониться перед ней и подчиниться ей... Но если в тексте обнаруживаются неясности, то появляются сомнения в смысле и пределах действия нормы, а при ее сопоставлении с другой нормой она будет в какой-то мере противоречить ей, предстанет в более узком или, наоборот, более широком значении. Я полагаю, что в этих случаях судья уполномочен на самое широкое толкование. Он не должен с упорством выяснять, чем руководствовались авторы кодекса сто лет назад при составлении той или иной статьи. Лучше спросить себя, какой была бы эта статья, если бы авторы кодекса формировали ее сегодня, подумать, как с учетом изменений, происшедших за сто лет в идеях, нравах, институтах, экономическом и социальном состоянии Франции,

⁹ *Chrysostom St. J. Homilies on the Gospel of Saint Matthew. Vol. 10 of the Select Library of the Nicene and Post-Nicene Fathers of the Christian Church / ed. P. Schaff. 1956. P. 551 (цит. по: Деррида Ж. Письмо и различие. СПб., 2000. С. 10).*

¹⁰ *Puchta. Vorlesungen über das heutige römische Recht. Aufl. 6., 1873. S. 15 (цит. по: Васильковский Е. В. Руководство к применению и толкованию законов. М., 1997. С. 10).*

приспособить наиболее свободным и гуманным образом законодательные тексты к требованиям справедливости, разума и современной жизни».¹¹

Л. А. Харитонов считает естественным конфликт между «первоначальным и современным юридическим смыслом», считая, что «для юридической герменевтики конституирующим является напряжение, существующее между данным законом, с одной стороны, и тем смыслом, который он получит в результате его применения в конкретной ситуации, — с другой».¹² При этом Л. А. Харитонов (как представляется, ошибочно) полагает, что именно юридическая герменевтика является тем инструментом, с помощью которого может быть решена проблема двойственного смысла: «Герменевтика помимо дешифрования буквального смысла текста, осуществляющегося лингвистического толкования, позволяет раскрыть смысл правового контекста».¹³

Однако, как указывает Е. Н. Шульга, согласно Хайдеггеру, целью герменевтики является поиск не истины, а лишь переменных значений смысла.¹⁴ Другими словами, герменевтика не позволяет отсеять ложные интерпретации смысла и выявить истинный смысл, единственный и неповторимый, который вкладывал в текст законодатель при формулировании правовой нормы. Посредством герменевтики читатель всего лишь находит новые смыслы прочитанного и присваивает этим смыслом статус истинных. Поэтому вслед за П. Рикёром мы будем утверждать, что герменевтика не призвана помогать (и не помогает) раскрыть истинный смысл правового контекста, как бы к этому ни стремились позитивисты. Действительно, если исходить из многосмысленности любого текста, поиск еще одной переменной смысла не приближает к истине, а порой даже уходит от нее. Юридическая герменевтика может всего лишь помочь юристу находить новые «современные» смыслы закона, которые якобы могут отличаться от первоначального замысла законодателя, и тем самым является скорее инструментом для еще более гибкого использования закона ловким правоприменителем, для обоснования его не всегда соответствующей догме закона позиции, для приспособления закона нуждам правоприменителя, что, конечно же, неприемлемо с точки зрения идеи объективности, справедливости и, главное, предсказуемости правосудия.

Герменевтика всегда в той или иной степени требовала объединять в одно целое свои собственные взгляды и позицию своего оппонента. Сложившееся отношение между письмом и чтением одновременно напминает об этом: чтение сводится к тому, что читающий субъект овладевает смыслами, заключенными в тексте; это овладение позволяет ему преодолеть временное и культурное расстояние, отделяющее его от текста, таким образом, что при этом читатель осваивает значения, которые по причине существующей между ним и текстом дистанции были ему чужды. В этом крайне широком смысле отношение «письмо — чтение» может быть представлено как частный случай понимания. В действительности текст всегда есть нечто большее, чем линейная последовательность фраз; он

¹¹ Цит. по: *Давид Р., Жоффре-Спинози К.* Основные правовые системы современности. М., 1998. С. 87.

¹² *Харитонов Л. А.* Герменевтический подход к толкованию правовых норм // *Криминалистика*. 2011. № 8. С. 116.

¹³ Там же.

¹⁴ *Шульга Е. Н.* Рациональная герменевтика и паранепротиворечивость // *Философия науки*. Вып. 9. Эволюция творческого мышления. М., 2003. С. 232–233.

представляет собой структурированную целостность, которая всегда может быть образована несколькими различными способами.

Многие проблемы практической юриспруденции связаны с громоздкостью современной российской правовой системы, сложностью российской законодательной базы, перегруженностью судов, непредсказуемостью и порой противоречивостью судебных решений. Замысел законодателя, вплетенный в словесную ткань текста закона, часто не доходит до читателя в полном объеме, отчего распадается на множество смыслов. Декодирование текста, снятие информации в процессе чтения и понимания неминуемо приводят к тому, что смысл понимается с учетом посторонних обстоятельств, в частности, понимание текста зависит от намерений (побуждений, как пишет тот же Л. А. Харитонов) читающего. Коллизия, конфликт интерпретаций законодателя и правоприменителя (исполняющего органа, гражданина) состоит в том, что законодатель изначально стремится к максимальной однозначности текста, а правоприменитель — к интерпретации правового текста в свою пользу. Текст закона после его декодирования (прочтения) усваивается понимающим сознанием и переводится в плоскость правоприменения, при этом цели законодателя и правоприменителя далеко не всегда совпадают. Если законодатель стремится довести свою волю буквально, то правоприменитель пытается использовать закон в целях обоснования своей позиции в споре.

Текст закона всегда был сложен для прочтения; чем сложнее текст, тем больше вероятность того, что его смысл ускользнет от понимающего сознания, а непонятость закона неминуемо перетечет в инертную форму псевдознания, кажущегося пониманием, которое даже опаснее непонимания. Толкование и возможность интерпретирования закона, с одной стороны, обогащает практику, с другой — перегружает правовую систему ненужными смыслами и значениями, зачастую имеющими намерение исказить самый смысл. Правовая система постоянно испытывается на прочность, судебная система с трудом справляется с нагрузкой, на две трети работая над исправлением возможных судебных ошибок, о которых неутрачиваемые практики-интерпретаторы заявляют в своих бесконечных надзорных жалобах.

В то же время единообразие понимания закона (а значит, и правоприменительной практики) во все времена поощрялось законодателем. На необходимости буквального понимания текста договора при толковании настаивает ст. 431 ГК РФ. При этом законодатель сам признает вероятность неправильного толкования закона на практике, указывая на такую возможность в статьях процессуальных кодексов: ст. 288 АПК РФ в числе оснований для изменения или отмены решения суда первой и апелляционной инстанций называет неправильное истолкование закона, как и ст. 304 АПК РФ говорит о возможности отмены судебных актов в порядке надзора в случае нарушения единообразия в толковании и применении арбитражными судами норм права.

Следует также учитывать, что неадекватное восприятие контекста сказанного (в том числе непонимание закона) объясняется не только сложностью текста, но и особенностями человеческой психики при восприятии образа. Опираясь на законы размерной онтологии, предложенные В. Франклом в работе «Человек в поисках смысла», можно предположить, что образ (замысел) всегда искажается либо становится многосмысленным при попытке перенесения образа из трехмерного пространства в двухмерное. Размерная онтология допускает, что любое описание образа, любая попытка довести образ до субъекта (читателя, слушателя)

есть его перенесение в низшее измерение по отношению к тому измерению, в котором образ существовал до описания.

Как известно, димензиональная онтология опирается на два закона.

Первый из них звучит так: «Один и тот же предмет, спроецированный из своего измерения в низшие по отношению к нему измерения, отражается таким образом, что различные проекции могут противоречить друг другу».¹⁵ Представим цилиндр, например стакан. Если спроецировать его из трехмерного пространства на горизонтальную и вертикальную двумерные плоскости, то в первом случае получится круг, а во втором — прямоугольник. Наиболее важным является не то, что эти картинки не соответствуют друг другу, а то, что стакан — открытый сосуд, в то время как круг и прямоугольник — закрытые фигуры.

Второй закон димензиональной онтологии гласит: «Различные предметы, спроецированные из их измерения в низшее по отношению к ним, отражаются так, что проекции оказываются многозначными».¹⁶ Представим себе цилиндр, конус и шар. Тени, которые они отбрасывают на горизонтальную плоскость в виде трех кругов, равнозначны, и мы не сможем определить на основании тени, отбрасывает ли ее цилиндр, конус или шар.

Таким образом, текст закона с точки зрения законов димензиональной онтологии выступает тем самым описанием замысла законодателя, при котором, оказавшись на плоскости листа в текстовом формате, замысел теряет ряд принципиальных характеристик; при этом вероятен исход, что текстуальные огрехи могут исказить смысл правового акта до противоположного. Все мы помним хрестоматийное «казнить нельзя помиловать» (смысл высказывания зависит от месторасположения запятой в тексте); также мы помним, что закон может быть нивелирован, выхолощен подзаконными актами, принятыми после издания закона якобы для конкретизации законодательной нормы.

Следует признать, что требование толковать закон (договор, любой правовой текст) только буквально — не более чем декларация, благое намерение, реализация которого на практике практически неосуществима. Толкование закона само по себе — уже отступление от буквы: если текст закона позволяет толкование, интерпретацию смысла (а закон это позволяет уже в силу того, что закон — это текст), то автор текста обязан допустить наличие нескольких смыслов, заложенных в самом тексте.

Правовая система общества функционирует в состоянии перманентного конфликта интерпретаций правового текста: применение закона есть не что иное, как бесконечная интерпретация текста законов, а судебные решения — не что иное, как самостоятельная интерпретация позиций интерпретаторов (сторон в споре). При этом герменевтическая ситуация в сфере правоприменения осложняется утверждением, согласно которому применение закона на практике — это и конфликт текстов (конфликт интерпретаций закона), и диалог личностей, когда от авторитета, красноречия и убедительности говорящего (пишущего) зависит исход дела.

Таким образом, исследование герменевтического аспекта правоприменения позволяет сделать единственно правильный вывод, имеющий действительно прикладное значение для современной юриспруденции: до тех пор, пока право будет оставаться текстом, закон не будет применяться единообразно. Становится очевидным, что, доверяя свой замысел тексту, законодатель, по сути, смиряется с тем, что его замысел может быть

¹⁵ Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990. С. 26.

¹⁶ Там же. С. 27.

истолкован, при этом истолкован не всегда верно, а значит, признает цель единообразного понимания своего замысла в процессе правоприменения недостижимой. Намерение законодателя реализовать свой замысел на практике будет всегда сталкиваться с намерением правоприменителя этот замысел исказить в свою пользу, что на практике и происходит повсеместно. Правом становится не закон, а судебный акт (либо решение любого другого компетентного органа (организации, учреждения), уполномоченного применять закон): право становится квазиправом.

Поясним нашу мысль. Вывод о том, что право есть текст, предполагает утверждение, согласно которому закон есть совокупность знаков, имеющих материальную основу, моделью которой является письменность. Именно письменность как технология кодирования смысла имеет технологический изъян, являющийся основой всех проблем, с которыми сталкивается правоприменительная практика. Смысл текста до прочтения и смысл текста после прочтения нетождественны в силу ненадежности носителя информации — самого текста. Смысловая структура текста как системы знаков имеет зазоры, в которые в поисках выгодного контекста вторгается сознание читающего правоприменителя, имеющего намерение истолковать текст закона в свою пользу.

Таким образом, идеология настоящей статьи основана на аксиоматике следующих тезисов:

- право — это прежде всего письменный текст;
- любой письменный текст изначально двусмыслен, что позволяет читателю его толковать и интерпретировать; кроме того, человек в силу особенностей психики не способен однозначно воспринимать идею (объемный образ), изложенную в виде текста (двухмерный образ);
- двусмысленность письменного текста является причиной того, что в процессе правоприменения нарушается принцип единообразия;
- до тех пор пока правовая идея будет доводиться до сведения правоприменителя посредством текста, обеспечить единообразие в правоприменительной практике объективно невозможно.

К. Поппер писал: «В математике, где мы работаем со знаками, определенными при помощи неявных определений, тот факт, что математические знаки не имеют “определенного значения”, не сказывается на нашей работе с ними или на точности наших теорий. Почему? Потому что мы не перегружаем знаки. Мы не приписываем им “значения”, за исключением того подобия значения, которое гарантируется нашими неявными определениями... Оказывается, что мы многого можем достичь без обсуждения значения математических знаков, ибо от их значения ничего *не зависит*. Ясно *выражаться* означает *выражаться* таким образом, чтобы выбор слов не играл *существенной* роли (курсив мой. — В. С.)».¹⁷

Приведенная цитата неплохо иллюстрирует актуальность соображения о необходимости поиска новой, отличной от письменности технологии передачи означаемого означающему в юриспруденции (согласно Ф. де Соссюру, языковой знак есть двусторонняя психическая сущность, объединяющая понятие и его образ, или символ, которые Ф. де Соссюр предлагал заменить терминами «означаемое» и «означающее»). С точки зрения рациональной герменевтики анализ проблематики понимания в юридической науке посредством методов герменевтического

¹⁷ Поппер К. Открытое общество и его враги. М., 1992. С. 344.

исследования позволяет сделать единственно правильный вывод об ущербности письма в качестве носителя правовой информации, в частности законодательной нормы. Другими словами, если понимаешь, что означающее (текст как совокупность знаков) является символом интерпретации, рациональнее отказаться от использования такой технологии и постараться найти другой способ передачи информации (по крайней мере, с целью достижения недостижимого в рамках традиционного подхода единообразия в сфере правоприменения). Конечно же, автор не ставил своей задачей определять в настоящей статье, какой будет новая технология, даже в общих чертах, справедливо предполагая, что поиск новой технологии, которая заменит письменность, — это дело будущего.

По нашему мнению, преимущества предлагаемого подхода очевидны. Прежде всего, изложение законодательной нормы языком, который исключит двойное прочтение, снимет возможность на практике интерпретировать, толковать закон, а следовательно, исключит вариативность в процессе чтения закона, делая решения органа, уполномоченного исполнять закон, предсказуемыми. В случае если закон будет изложен на языке, не подлежащем интерпретированию, большинство судебных исков и жалоб попросту не появятся на свет в силу однозначности понимания требований закона, что превратит судебное разбирательство или процесс принятия решения уполномоченным органом из правовой рулетки в формальную процедуру, из игры, в которой всегда можно проиграть, — в процедуру получения судебного акта, решения уполномоченного органа, содержание которого известно заранее и поэтому в содержании которого никто не сомневается.

Следует также признать, что одним из последствий применения новой технологии доведения воли законодателя до правоприменителя будет низведение роли суда с, по сути, законотворческой до технической (и это позитивный момент, поскольку суд как общественный институт займет как раз то место в обществе, ради которого и замышлялся — в концепции правового государства суды призваны обслуживать граждан, обеспечивая практическое применение закона, но не творить его).

В заключение напомним, что примерно такую задачу — сведение роли судебного процесса к формальной процедуре — ставили перед собой американские юристы-прагматики («реалисты», как они себя называли) во главе с судьей Верховного суда США О. У. Холмсом в начале XX в. (если точнее, то в период после Первой мировой войны). Согласно основной доктрине школы американских реалистов, сформулированной на базе экспертных заключений Холмса, право — это не система норм, а инструмент для предсказания вероятных решений суда по конкретным делам. С точки зрения представителей этой школы, чрезмерное внимание юристов к нормам права, превращающее эти нормы в самодостаточные материальные объекты, признавалось вредным и узкокорпоративным, поскольку имеющими истинное значение для юриста-прагматика являются дела, а не слова.¹⁸

На фоне современных достижений в сфере формализации управленческих процессов посредством компьютерного программирования (реализации идеи «электронного правительства», внедрения в жизнь программ, нивелирующих значение субъективного начала при принятии решений чиновниками) идеи юридического прагматизма вновь приобретают актуальность.

¹⁸ *Lloyd D. The Idea of Law. A Repressive Evil or Social Necessity?* London, 1964. P. 243–244.